

ДИСКУРС КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ (ПРИМЕР АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

М.Г. Макарычева

В статье показано, как философское наследие ключевых специалистов по теории дискурса может быть востребовано в качестве методологической основы для изучения вопросов международных отношений. Исследование дискурса международных отношений весьма продуктивно на основе методологического инструментария школы социального конструктивизма в его «структуралистском» варианте. В работе используется целый ряд сопредельных категорий, таких как дискурсивные стратегии, дискурсивные практики, а также «узловые точки», которые фиксируют осмысленность всех элементов, входящих в дискурсивное поле.

В настоящей статье мы покажем, как философское наследие ключевых специалистов по изучению дискурса может быть востребовано в качестве методологической основы для изучения вопросов международных отношений. Под дискурсом мы будем понимать способ вербальной коммуникации между субъектами социально-политических взаимоотношений (включающий в себя написание текстов, их прочтение и обмен ими), связанный с различными общественно-политическими контекстами. Это «язык в действии» в том смысле, что дискурс и есть вид «социального действия», который встраивается в коммуникативные, информационные, культурные, поведенческие и иные рамки отношений между различными субъектами изучаемой системы отношений. Дискурс – это социально воспроизводимые группы идей и способов мышления, которые запечатлеваются в текстах и помещаются в широкие исторические и социальные поля. То есть «дискурс – продукт определенного сообщества» (например, экспертного или дипломатического), которое «устанавливает границы того, что о чем можно говорить» [1].

Под «русским дискурсом» в США мы будем понимать дискурс, развивающийся в рамках той части американского политико-академического комплекса, который ориентирован на анализ процессов, происходящих в РФ. Американский дискурс в отношении РФ представляет собой попытку экстраполировать англо-саксонские концепты общественного развития на иную социокультурную среду и понять пределы их применения, то есть границы предполагаемой универсальности.

Мы исходим из предпосылки о том, что так называемое «русское направление» американского внешнеполитического дискурса играет ключевую роль в процессе осознания Соединенными Штатами своего места в мире, своих меняющихся интересов и функций. Для США, таким образом, понимание процессов, происходящих в России, одновременно является пониманием роли США в пост-биполярном мире. Анализ русского транзита – это интеллектуальное упражнение в объяснении каналов и механизмов влияния США на страны бывшего СССР. Другими словами, изучая поведение России и ее реакцию на мировые процессы, США косвенным образом исследуют самих себя, ставят диагноз собственным внешнеполитическим проблемам и определяют возможности своей дипломатии на отдаленную перспективу. США корректируют

многие свои концептуальные позиции на международной арене именно благодаря тому, что российский опыт не подтверждает их или ставит под сомнение.

Изучение дискурса международных отношений весьма продуктивно на основе методологического инструментария школы социального конструктивизма в его «структуралистском» варианте. Именно таким образом конструктивизм понимается, в частности, в работах американского теоретика Александра Вендта, содержащих в себе полезные указания на те методологические положения, которые могут лечь в основу работ по международной политике:

- структуры человеческого взаимодействия определяются скорее общими идеями, чем материальными факторами;
- интересы и идентичности конструируются в большей степени на основе распределения этих общих идей, чем на основе неких «естественных», природных свойств субъектов.

При этом основная форма субъектности в мировой политике принадлежит государствам; соответственно, именно они должны быть в центре исследовательского внимания. Конструктивизм наделяет государства «человеческими качествами»: у них есть намерения, рациональность, интересы, и они конституируют себя посредством артикуляции этих понятий. По А. Вендту, структура международных отношений – это не столько материальный, сколько социальный феномен в том смысле, что они базируются на идентичностях и контридентичностях (ожиданиях, представлениях, предпочтениях и пр.). Акторы постоянно производят и воспроизводят концепции Себя и Другого (Self & Other), что сближает конструктивистскую парадигму с постпозитивистской [2].

В контексте описания методологических рамок, предлагаемых социальным конструктивизмом, важно отметить, что социальные структуры для А. Вендта не менее реальны, чем материальные. Агенты (государства) конструируются в процессе социальных взаимодействий. Категории власти и интереса существуют в реальности, они лишь обусловлены идеями. В наиболее радикальной версии это положение звучит так: интересы и есть идеи.

Такое понимание конструктивизма оставляет широкое поле для применения различных вариантов структуралистских и постструктуралистских теорий, которые сфокусированы на изучении дискурса, основной исследовательской категории настоящей статьи. Несколько работ и фамилий их авторов заслуживают особого упоминания в этой связи. В частности, Тэд Хопф стал одним из немногих американских политологов, успешно применивших конструктивистские подходы к анализу категории идентичности в контексте как социального конструирования внешней политики СССР и России во второй половине 20-го века, так и – в более широком смысле – международной политики в целом [3]. Его норвежский коллега Ивэр Нойманн удачно использовал конструктивистскую методику анализа для (вос)создания образов России с точки зрения восприятия их на Западе. И. Нойманн активно применяет понятие «коллективная идентичность» для понимания того, как в различных сферах мировой политики посредством дискурса формируются образы «Другого» [4].

Изучение дискурса возможно через ряд сопредельных категорий. Одной из них являются *дискурсивные стратегии*, определяющие рамки и содержание отношений между двумя или более политическими субъектами. Совокупность дискурсивных стратегий мы рассматриваем в качестве *дискурсивной практики*. Данный подход основывается на известном тезисе М. Фуко о том, что дискурс представляет собой практику, «которая имеет свои собственные формы сцепления

и последовательности». Дискурсивная практика – это совокупность «исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [5]. Дискурсивная практика не ограничивается положениями, составляющими основу той или иной дисциплины или теории (например, внешнеполитического реализма или идеализма); ее присутствие «обнаруживается также и в юридических текстах, в способах выражения, присущих литературе, в философских размышлениях, в решениях политического порядка, в повседневных разговорах и мнениях» [6].

Внутренняя структура дискурсивных практик определяется так называемыми «узловыми точками», которые фиксируют осмысленность всех элементов, входящих в дискурсивное поле. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти узловые точки часто носят характер метафор и базируются на производстве «пустых обозначающих», за наполнение которых смыслами происходит постоянная борьба между различными политическими агентами. В частности, насыщенность «российского дискурса» в США «пустыми обозначающими» имеет одно важное следствие: суть эволюции этого дискурса в течение 1990-х годов состояла в вытеснении и развенчании тех образов России, которые были порождением самого политико-академического комплекса США. Можно утверждать, что, начиная с середины 1990-х годов, американские эксперты по России принялись деконструировать тот дискурсивный имидж России, который и был порождением их ближайших коллег по «цеху», то есть имел глубоко американские корни.

Единство «российского дискурса» в США как объекта исследования, заведомо представляющего широчайший спектр социально-политической рефлексии, ни в коей мере не означает отказа от признания в его рамках зон напряжения. Внутренняя структура этого дискурса представляет собой сложную комбинацию различных компонентов, которые можно анализировать исходя из категории дискурсивных стратегий. Различные типы дискурсивных стратегий существуют только в соотношении друг с другом, что определяет не только их границы, но и возможность понимания значения каждой из них. Это соотношение может быть как конфликтным (именно в этом значении мы используем понятие дискурсивного конфликта), а может иметь место в режиме трансформации одного типа дискурсивной стратегии в другой (постепенная смена либеральных подходов на консервативные в качестве гегемонистского дискурса в США).

На протяжении изучаемого периода американская позиция в отношении России выработывалась в острой борьбе между носителями различных взглядов. Особенно принципиальная дискуссия развернулась между консервативным и либеральным направлениями во внешнеполитическом сообществе США. Данную ситуацию мы квалифицируем как дискурсивный конфликт между двумя различными стратегиями, сосуществующими в рамках единого «российского дискурса» в США.

Либеральная дискурсивная стратегия использовалась как инструмент для конструирования идеалистического образа США в мире. Консервативная же дискурсивная стратегия в своей теоретической основе близка к внешнеполитическому реализму, в силу чего сферы применения этого варианта дискурса в основном были связаны с геополитическими процессами.

Применительно к сфере нашего анализа можно увидеть и предложить дискурсивное понимание того, как консервативная дискурсивная стратегия сначала подавлялась, маргинализировалась, а затем была в конечном итоге интегрирована в качестве сопротивляющегося, но необходимого компонента в общий «российский дискурс» американской внешнеполитической элиты. Таким образом, мы видим, что «подчиненная» дискурсивная стратегия может оказать сопротивление и выйти на первые позиции, если она окажется способной опровергнуть аксиоматичность и непротиворечивость «доминирующего» типа дискурса и обозначить какую-то привлекательную альтернативу ему. Дискурсивные стратегии, следовательно, имманентно нестабильны, не завершены, изменчивы, они оставляют множество возможностей для взаимных пересечений и наложений, и любые определенности в них носят частичный и временный характер.

Любая классификационная операция, разбивающая на классы некую социальную общность (в данном случае – политико-академический комплекс США), носит авторский (а следовательно – субъективный и отчасти условный) характер. Это в полной мере относится и к предмету нашего анализа, который основан на выделении и контрастном противопоставлении друг другу либерального и консервативного «полюсов» американского дискурса в отношении России. Мы преднамеренно строим наши рассуждения на двух контрастных примерах дискурсивных стратегий, поскольку они, во-первых, как и любые бинарные оппозиции, очерчивают собой целый спектр концептуальных позиций, существующих во внешнеполитическом дискурсе США. Во-вторых, контрастное сравнение дает возможность наиболее наглядно сопоставить две оппонирующие друг другу субъектные позиции, конституирующие «российский дискурс» в США.

Важно иметь в виду, что категории либерального и консервативного имеют явно выраженную политическую коннотацию и должны восприниматься как *политические позиции* (конструкты). Эта бинарная оппозиция, будучи перенесенной на язык *теоретических подходов*, существующих в сфере академических исследований международных отношений, приобретает уже несколько иной вид: речь в таком случае может идти о паре «идеализм – реализм», первый компонент которой имеет логическую связь с либеральной политической традицией (что иногда находит выражение в словосочетании «либерально-идеалистическая парадигма»), а второй – с традицией политического консерватизма. Наконец, если перейти на язык *поведенческих* (и одновременно – *мировоззренческих*) характеристик, то наша изначальная пара трансформируется в еще одну бинарную оппозицию – оптимисты против пессимистов. Таким образом, мы получаем два семантических ряда, которые будут служить для нас концептуальными ориентирами при дальнейшем исследовании: а) консерватизм → реализм → пессимизм, б) либерализм → идеализм → оптимизм.

Каждый из этих семантических рядов может анализироваться в категориях, близких к тем, которые развивал упоминавшийся выше М. Фуко. Согласно его подходу, «тот момент, начиная с которого дискурсивная практика индивидуализируется и обретает свою автономность, следовательно, в тот момент, когда приводится в действие одна и та же система формирования высказываний, или тот момент, когда эта система преобразуется, можно назвать порогом позитивности». Применяя это положение к предмету нашего исследования, можно сказать, что, допустим, консервативная дискурсивная

стратегия преодолевает «*порог позитивности*» в процессе острой дискуссии с либеральными подходами, которая сыграла конституирующую роль в становлении этого дискурса.

Продолжая эту логику, французский философ предполагал, что «когда в процессе развития дискурсивной формации вычленяется некая совокупность высказываний, которая стремится (даже если и не достигает этого) придать большее значение нормам верификации и связности и которая выполняет по отношению к знанию доминирующую функцию (функцию модели, критики или верификации), то мы скажем, что дискурсивная формация преодолевает *порог эпистемологизации*» [7]. С точки зрения нашего исследования, это происходит тогда, когда в рамках консервативного или либерального направлений дискурса появляются реалистические или идеалистические очертания, соответствующие этим двум теориям в сфере международных отношений.

Наконец, для объяснения нашего подхода важно сослаться на методологическое положение о том, что «любой дискурс конституируется как попытка доминирования на поле прерывистости... и конструирования центра» [8]. Эта особенность и предполагает неизбежное выделение «привилегированных дискурсивных точек», то есть ключевых терминов и концептов, которые оказывают структурирующее воздействие на дискурсивное поле и «фиксируют смыслы в цепи обозначающих» [9]. Два дискурсивных центра – либеральный и консервативный – отличаются друг от друга этими «привилегированными дискурсивными точками»: если в первом случае ключевыми, смыслообразующими концептами являются «демократические ценности» и «проекция норм», то во втором – «безопасность» и «порядок».

Один из наиболее интересных выводов, которые можно сделать по итогам проведенного исследования, состоит в том, что каждая из двух дискурсивных стратегий по-своему конструирует образ России и дает свой ответ на вопрос о том, в каком качестве Россия может рассматриваться Америкой в качестве субъекта мировой политики. В рамках либеральной стратегии субъектность РФ (и, соответственно, признание Соединенными Штатами России как потенциально полезного партнера) выводилась из способности нашей страны моделировать (в мягком варианте) и имитировать (в более жестком) основные принципы политического, экономического и правового устройства США. Другими словами, американская внешнеполитическая элита либерального толка готова была признать некую роль России в мире только при условии ее добровольного *включения* в тот мировой порядок (и подчинения его правилам), который патронируется Вашингтоном.

Акценты в консервативной стратегии были расставлены иначе. В ее дискурсивных рамках Россия признавалась в качестве относительно автономного участника международных отношений, причем такого участника, субъектность которого выводилась в значительной степени из его возможного или предполагаемого *сопротивления* американоцентричному глобальному порядку. Для консервативного сегмента американского «рынка идей» важность России объяснялась не ее способностью стать, условно говоря, «зеркальным подобием» Соединенных Штатов, а тем вызовом, который Россия прямо (то есть в виде неподчинения «правилам игры», предлагаемым Вашингтоном) или косвенно (неспособностью воплотить в жизнь проекты по ее внутреннему переустройству, разработанные за океанскими экспертами) может бросить (или уже бросает) США.

Из данного разграничения следует еще одно наблюдение: либеральная дискурсивная стратегия, по сути, базируется на «двойном» либеральном фундаменте, который определяет собой как рамки внешней политики США, так и основные принципы политического переустройства российского общества. Другими словами, либеральная стратегия американского дискурса признает как возможность воплощения либеральных идей в международном курсе своей страны, так и их работоспособность в качестве идеологии реформ в России. Консервативная же стратегия, не отбрасывая полностью либеральные принципы ведения внешней политики (особенно по отношению к странам, разделяющим американские ценности), настаивает на ограниченном масштабе их распространения. Иначе говоря, вести дело с Россией на основе либеральных принципов, согласно консервативной части внешнеполитической элиты США, нельзя именно по той причине, что Россия сама скептически относится к возможностям либерализма в качестве идеологической основы реформ. Коммуникация с Россией должна, соответственно, строиться на базе поиска общих (хотя и ограниченных) интересов при признании несовместимости тех ценностей, которые определяют идентичности каждой из этих стран.

Смену дискурсивной стратегии с либеральной на консервативную можно представить как результат столкновения «*Воображаемого*» (то есть виртуального, симулятивного и в силу этого искусственного, адаптированного к американскому мышлению образа России) с «*Реальным*». Стадия «*Воображаемого*» образа России могла базироваться только на представлении России в качестве некой «жертвы» (коммунизма и, соответственно, «холодной войны»). Как только Россия перестала позиционировать и воспринимать себя в качестве «жертвы», приступив к самоутверждению и перейдя на более равноправный язык во взаимоотношениях с Вашингтоном, США вынуждены были перейти к смене дискурсивной стратегии. Иными словами, Америка была готова принять Россию в качестве «подчиненного» Другого, встроенного в смысловые поля, определяемые самой Америкой. В любом другом качестве Россия воспринимается в качестве носителя неопределенности и источника угроз.

Дискурсивный анализ позволяет нам совершить еще одну важную аналитическую операцию – выйти за пределы политико-академического комплекса США и расширить границы «интерпретативного сообщества» посредством включения в него российской аудитории. Этот ход распадается на две составные части – в одной речь идет о том, какова социальная аудитория обоих типов американского дискурса в России; другими словами, какие социальные и профессиональные группы можно считать «потребителями» или «адресатами» американского дискурса. В другой части ставится вопрос о возможностях, существующих в плане формирования совместного американо-российского дискурса, в рамках которого обе стороны – российская и американская – играли бы сопоставимые друг с другом роли.

Следовательно, дискурс как исследовательская категория важен для специалистов-международников не только с точки зрения своей внутренней структуры, но и в плане его внешних проекций. В процессе нашего исследования мы идентифицируем два типа социальной аудитории, которые можно рассматривать в качестве адресатов «российского дискурса». *Во-первых*, это политические круги в самих США, определяющие формат и содержание решений, принимаемых в отношении России. Американский дискурс в отношении России в значительной мере был нацелен на те сегменты внутри внешнеполитической

элиты США, позиция которых имела ключевое значение при принятии решений, касающихся всего спектра американо-российского взаимодействия. *Во-вторых*, это сегменты внутри российского общества, открытые к восприятию внешних аргументов и готовые к их операционализации. Следовательно, можно говорить об использовании дискурса в качестве инструмента влияния на определенные сегменты внутри российского общества и коммуникации с ними.

Следовательно, можно говорить о двух вариантах «выхода» «российского дискурса» США за пределы сугубо внутриамериканской аудитории. В обоих из них мы имеем дело с ситуацией расширения дискурсивного поля и включения в него новых участников с новыми функциями, ролями и возможностями. Более конкретно, можно увидеть, *во-первых*, использование дискурсивных возможностей для оказания определенного воздействия на те или иные сегменты внутри российского общества, и *во-вторых*, попытки создания общих (условно говоря, российско-американских) «дискурсивных площадок», предполагающих выработку совместного понимания природы вопросов двустороннего интереса и принципов их решения.

В заключение еще раз отметим, что динамика и логика развития американской политики в отношении России могут быть адекватно представлены в рамках научных процедур, базирующихся на методологии исследования политического дискурса. Именно изучение дискурса в его многообразии дает нам «ключ» в мир политических идей, которые определяют собой и поведение ключевых фигур американской дипломатии, и формат деятельности внешнеполитических учреждений.

Наше исследование было построено по принципу изучения дискурсивных отношений с точки зрения принципа «многоплановости, которая возникает в результате вхождения одних и тех же элементов (дискурса. – М.М.) во многие структурные контексты» [10], в том числе недискурсивные (внетекстовые). Эта ситуация может быть хорошо описана категорией «избыточности текста»: в нем всегда заложено гораздо больше смыслов, чем может показаться с первого взгляда, и эти смыслы оставляют массу возможностей для интерпретаций. В духе традиций Юрия Лотмана мы увидели, что «российский дискурс» в США – это бесконечный процесс производства и артикуляции идей. «Как всегда в подлинной науке, по этой дороге можно только идти. Дойти до конца по ней нельзя. Но это недостаток только в глазах тех, кто не понимает, что такое знание» [11].

Л и т е р а т у р а

1. Bernard McKenna. Critical Discourse Studies: Where to From Here? *Critical Discourse Studies*, vol.1, N 1, April 2004, p. 15.
2. Alexander Wendt. *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press, 1999.
3. Ted Hopf. *Social Construction of International Politics. Identities and Foreign Policies*, Moscow, 1955 and 1999. Itaca and London: Cornell University Press, 2002.
4. Ивэр Б. Нойманн. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 25–70.
5. Мишель Фуко. Археология знания. СПб.: издательский центр «Гуманитарная академия». С. 228.
6. Там же. С. 328.

7. Мишель Фуко. Ук.соч. С. 341–342.
8. Yannis Stavrakakis. *Lacan and the Political*. London – New York: Routledge, 1999. P. 79.
9. Yannis Stavrakakis. *Op. cit.* P. 77.
10. Лотман Ю. Структура художественного текста. М.: «Искусство», 1997. С. 92.
11. Лотман Ю. Ук. соч. С. 101.

This paper seeks to demonstrate the ways in which the philosophical heritage of the key theorists in discourse analysis could be pertinent for the field of international studies. In particular, it is argued that the social constructivist methodology in its structuralist modality could be actualized for studying the international relations. Such concepts as discursive strategies, discursive practices, quilting points and some others are being used.